Герда Грау

Круговая порука

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Трибьют Станиславу Лему и историям о пилоте Пирксе.

- ○ Глава 1

Круговая порука

Глава 1

То, что Персефон пропал с тропы, первым заметил и доложил робот. Он сказал это тихо, прогудел почти в ухо Самвелу, но тот только кивнул и продолжил идти, как шел — медленно, размеренно, глядя себе под ноги и лишь изредка бросая взгляд по сторонам. Пиркс тоже повернул голову — поверхность Форы с обеих сторон дороги была однотипной, монотонной, покрытой буйной растительностью. По климату планета напоминала ливневые леса Южной Америки, но только в той жаркой и сырой степени, которую он помнил по оранжерее. Буйный зеленый покров надежно прятал рельеф земли от глаз, и никто не мог сказать, что находится под сплошным лиственным этажом — расщелина, пологая низина или ровная поверхность. Сама тропа шла по невысокому хребту.

Ее посещение входило во все туристические программы, потому что белесая дорожка носила следы множества ног, вытерших зелень до камня, была узкой и извилистой. Тем более Пирксу показалось странным, что Самвел не остановился, не велел группе собраться, и не выслал на поиски автоматического спасателя Аспа, как называли эти модели андроидов, специально оснащенные различными локаторами и датчиками. Но, может быть, исчезать из виду на пару-тройку минут на Форе нормально? Туалетов по дороге им не встретилось ни одного.

— Водятся ли здесь крупные животные? — Пиркс постарался, чтобы его вопрос прозвучал так же тихо, как доклад робота.

— Смотря кого считать крупными, — уклончиво ответил Самвел, оглядываясь на растянувшуюся по дороге впереди и позади него группу. — Если вы имеете в виду хищников, то нет.

— Кого же еще можно считать крупными? — удивился Пиркс.

— Это зависит от того, какой логики вы придерживаетесь, — уклончиво ответил тот. — Например, муха — животное?

— Ну… — Пиркс коротко покосился на него, пытаясь распознать подвох. — Если рассуждать абстрактно, то можно сказать и так.

— Тогда крупная муха — крупное животное? — карие навыкате глаза уставились на него без тени улыбки.

Пиркс с досадой махнул рукой — попался на глупую уловку из учебника.

— Муха — насекомое, — поправил он Самвела. — Крупная муха — крупное насекомое. Но, безусловно, представитель животного мира.

— Здесь полно таких представителей животного мира, — в

голосе Самвела была усмешка. — Некоторые из них довольно велики в размерах, но они травоядны. Избегают встреч с людьми по ряду причин, не последняя из которых — пищевая незаинтересованность.

Пиркс невольно оглянулся, но никакие ветки не качались и ничьи желтые глаза не горели в расщелине справа. Он подумал, что отвык от таких богатых планет, где растительность не культивируется, и скрывает больше, чем открывает. Фора Семь Четыре Один не была колонизована по причинам, которые были изложены в справочниках довольно туманно и сухим языком предположений. Первые попытки включить планету в число освоенных относились к прошлому столетию, было заложено несколько городов, но их присутствие словно свело планету с ума — за короткое время вся флора активизировалась и с завидным постоянством атаковала городские пределы, словно фагоциты вирус. Расчищенное пространство, оставленное на ночь без присмотра, к утру представляло собой буйно цветущий сад, а то и пруд — в зависимости от наличия воды в почве. Вытравленные химикатами растения через сутки давали новое поколение, устойчивое к примененному яду, и к тому же обладающее неприятной особенностью размножаться поллиниями, вызывавшими выход из строя точной техники. Стоило осушить низину, как на следующие сутки над ней проливался дождь стеной, дававший жизнь многочисленным плесневым формам жизни. Ничего не получилось и с химической промышленностью, и с пищевыми культурами, и даже со строительством дорог. Проложенная трасса покрывалась рытвинами и пробоинами, горы засыпали ее оползнями, а вновь положенный асфальт раскрывался львиным зевом от лезущих наружу воздушных корней местных гигантских орхидных.

Активность флоры компенсировалась полным бездействием фауны, представленной на Форе довольно скудно. Самыми крупными животными на момент составления доклада были похожие на коал звери, питавшиеся молодыми побегами с верхушек деревьев. Пиркс вспомнил, что читал об этом еще во время обучения. В докладе, помимо прочего, было высказано предположение, что вся биосфера планеты состоит в определенной связи и является целостным организмом, который любое вторжение на планету ощущает как болезнь или рану, соответственно пытается исцелиться, удвоенными силами покрывая испорченное место родной флорой наподобие гипса на переломе. Каким образом передается информация между субъектами, докладчик, помнится, затруднился ответить, приведя в пример мать, которая понимает своего неразумного младенца

без всяких слов. Этот аргумент имел определяющее значение или иные, которых Пиркс не помнил уже, но планету исключили из числа ждущих колонизации и оставили в качестве туристического развлечения.

Для краткосрочного пребывания на планете не требовалось специальной защиты, отдельных человеческих особей биосфера не воспринимала как угрозу, напротив, была тиха и дружелюбна, если такое слово уместно использовать в отношении растений. Насчет реакции животных в докладе ничего не говорилось.

Самвела рекомендовали как одного из наиболее опытных проходчиков Форы, пять лет назад он был в составе последней экспедиции, с тех пор сопровождал группы к местной достопримечательности — водопаду Грекса. Водопад представлял собой большой порог на спрятанной в лесу реке, полукружием выдававшийся над течением в виде козырька, на котором можно было постоять без всякого риска — вода пенилась и бурлила только внизу, наверху течение было плавным и спокойным. По козырьку пунктиром были разбросаны большие камни с расстоянием в шаг взрослого человека, довольно далеко от края. Возле водопада полагался пикник, ночевка у костра и возвращение на корабль после восхода светила.

Пиркс немного отстал от основной массы туристов, переместился сначала в хвост группы, а потом и вовсе присел на большом валуне на обочине, бросив шток в траву и подставив лицо горячим лучам. Он не был в отпуске около двух лет и планировал бездумно погулять по красивым местам, но поступок Персефона продолжал занимать мозг независимо от его желания. Персефон был грузным одутловатым мужчиной, молчаливым и надутым, как индюк, что было неудивительно при его профессии. Он занимал какой-то важный пост в совете по освоению космического пространства, выступал за максимально энергичное проникновение в космос из пределов освоенного участка, используя новые планеты как опорные базы и источник сырья для дальнейшего продвижения. Изучение планет он оставлял последующим поколениям, идущим по следам первопроходцев, накапливая знания и материал. Были у него и противники, и сторонники, но все упиралось в технические средства. Тут Пиркс скорее поддержал бы противников Персефона. Ему приходилось принимать под свое командование старые корабли на коротких трассах, и даже там, на изученных маршрутах, было полно ситуаций, из которых приходилось выкручиваться с трудом. Что же говорить о дальних расстояниях?

Шум за спиной оторвал его от размышлений, он оглянулся и краем глаза уловил движение зеленого купола метрах в пяти от

дороги — зеленый зонт, смыкающийся с другими такими же зонтами, вдруг вздрогнул, встряхнулся, снова застыл — и вот его уже было не отличить от соседних деревьев. Пиркс сейчас не смог бы точно указать, какой именно участок сплошной зелени двигался, этот или соседний, настолько незаметным был переход одной кроны в другую. Ему пришло в голову, что защищенность тропы только видимая, кроме слов Самвела о том, что животные травоядны и предпочитают наблюдать, других доказательств безобидности местной фауны у него нет. И если Самвел ошибся, то ничто не препятствует зверю сейчас покинуть сельву и появиться на тропе.

Он торопливо поднялся с камня, подхватил шток, и, держа его как копьё, поспешил догнать остальных, по пути гадая о судьбе Персефона. Самвел неторопливо шел рядом с Аспом, первые из туристов уже достигли козырька водопада, делая снимки современными камерами, передающими не только изображение, но и звук, и даже запах. Вид с водопада, насколько мог судить Пиркс, открывался незабываемый, но сейчас он оставил его равнодушным.

— Обочина не так уж безопасна, — сообщил ему проводник, коротко взглянув через плечо. — Иногда камни смещаются и могут скатиться вниз под вашим весом. Садиться стоит только на фрагменты монолитных глыб.

— Постараюсь учесть, — ответил ему Пиркс.

Беззаботность Самвела внушала ему подозрения. Если бы у него пропал член экипажа или пассажир во время посадки на незнакомой территории, он чувствовал бы беспокойство и вину. Самвел очевидно не испытывал ничего такого, лицо его было спокойным, а глаза пустоватыми, как у человека, выполняющего рутинную работу, во время которой можно унестись мыслями куда угодно. Пиркс еще немного подумал, поднимать ли снова вопрос о Персефоне, но Асп очень удачно направился к водопаду, где один из туристов соскользнул с камня и стоял по пояс в воде. Спрыгнул он сам или просто свалился в погоне за красивым ракурсом, было непонятно. Пиркс догнал Аспа и пошел рядом.

— Сколько у человека шансов выжить в лесу, если он сойдет с тропы? — нейтрально спросил он робота.

Гладкое лицо Аспа не дрогнуло ни на секунду.

— Лес безопасен для человека, — ответил он. — Хищники отсутствуют.

— А если просто заблудиться? Туристу вроде Персефона?

— Перед стартом мы соберем всех туристов на борт, — спокойно ответил Асп. — Навигация на корабле передовая, еще ни разу человек не пострадал на Форе. Нет опасности.

— Но Персефон мог заболеть, — не унимался Пиркс. — Вдруг с ним случился приступ? Или он неудачно упал и сломал ногу? Может быть, он сейчас лежит и ждет помощи?

— Персефон не подавал сигнала бедствия, — чуть помедлив, ответил робот.

Пирксу показалось на какую-то долю секунду, что голос робота стал раздраженным, хотя какое раздражение может быть у машины, оснащенной голосовым синтезатором? Сигнал бедствия полагалось подавать небольшим устройством, вшитым в браслет, которые застегнули на запястье каждому туристу еще на корабле, активировать его можно было простым касанием пальца.

— А если он отравился или подвергся воздействию местной ядовитой флоры? Лежит без сознания?

Асп остановился и глубоко вдохнул, и снова Пирксу показался этот жест очень человеческим, так делают люди, не желающие терять самоконтроль.

— Все туристы к моменту старта будут на корабле, не беспокойтесь.

Ничего другого не оставалось, как отстать со своими вопросами и не мешать вытаскивать увлеченного фотографией беднягу из воды. Самвел, проходя мимо, смерил его насмешливым взглядом и словно акробат пробежал по камням на другую сторону козырька, причем Пирксу показалось, что он это сделал, чтобы избежать вопросов.

На той стороне водопада Грекса должен был состояться обещанный привал, свой паек каждый из туристов нес самостоятельно в заплечном мешке. Асп нарубил какой-то сухостой и соорудил костер в круге из камней. Камни были принесены не вчера, середину круга покрывал толстый слой пепла от многократного использования. Это тоже было туристическим развлечением — много ли людей касались открытого огня в своей жизни? Электронное оснащение современных кухонь практически лишено стихии — пища греется и готовится за толстыми стеклами с помощью нитей накаливания и невидимых волн, вода поступает по закрытым от взгляда трубкам, приправы добавляются согласно цифрам на приборной панели дозаторов. Нет, современные кухни ближе к лабораториям, где контакт лаборанта и реактива сведен к минимуму, а то и вовсе отсутствует.

— Раньше считалось, что личность повара имеет не последнее значение во вкусе блюда, — вдруг сказал над ухом Пиркса голос Самвела.

Тот протягивал в направлении огня свой пруток с насаженной сосиской, кожица которой вздулась волдырями и потемнела, а

потом превратилась в аппетитную корочку.

— Что-то вроде ауры? — съехидничал Пиркс, поворачивая свой шампур с розовым синтетическим мясом другой стороной к огню.

— Нет, — Самвел извлек сосиску из огня и помахал прутиком в воздухе, оставляя дымный след. — Хотя некоторые считали и так. Но извлечь истинный вкус из продуктов, как чистую ноту из музыкального инструмента, под силу только талантливому человеку. У всех остальных это будет тяп да ляпицей сапожника.

Пиркс проводил глазами сосиску Самвела и посмотрел на свою, почерневшую до хруста.

— Похоже, звание художника пищи мне недоступно, — пошутил он. — Но я привык к консервам. Не человек для еды, а еда для человека.

— Как сказать, — задумчиво обронил Самвел. — Была и такая теория, что в мире на самом деле все равнозначно. Сегодня ты ешь курицу, а завтра она тебя, и то, и другое справедливо.

— Курицы не питаются человечиной.

— Я образно, — Самвел отправил в рот половину своей сосиски. — На месте курицы может быть любой другой представитель животного мира. Курица в данном случае выступает как символ.

— Символ неотвратимости возмездия?

— Нет, истинного равноправия. Каждый становится кому-то пищей в свое время, на каждого крупного зверя найдется глотка покрупнее. Например, мы убеждены, что готовим космос под себя, но не исключено, что на самом деле готовят нас, глядя сквозь стекла иллюминаторов на степень нашей прожарки.

— Предпочитаю считать человека вершиной пищевой цепочки, — Пиркс постарался, чтобы его ответ не прозвучал грубо.

— Оригинальное утверждение для вида, который служит пищей насекомым и паразитам еще при жизни. Да и после нее тоже.

— Быть съеденным курицей или космосом в равной степени обидно для мыслящего существа.

— А кем не обидно? — Самвел посмотрел на него черным круглым глазом, напоминающим маслину. — Существом, интеллект которого превышает человеческий?

Пиркс подумал, что снова Самвел расставил ему логическую ловушку в своем стиле, и понял, что не может ответить. Любое животное, поедающее человека, не делало последнему чести, разумное было еще и более отвратительно, потому что оно ведь должно понимать, что делает, и что при этом чувствует жертва.

Но с насекомыми, конечно, не поспоришь.

— Вы не хотите послать Аспа на поиски Персефона? — вместо ответа в лоб спросил Пиркс. — Он пропустит ужин, а после обеда времени прошло прилично. Да и солнце скоро начнет садиться.

— Нет, не хочу, — Самвел, казалось, тут же потерял всякий интерес к разговору и отошел в сторону, уступая свое место кому-то из туристов.

Пиркс только вздохнул. Непонятное упрямство Самвела в отношении Персефона наводило на нехорошие мысли о какой-то ссоре между ними, но утверждение Аспа, что к моменту старта все будут на борту, успокаивало. Да и не позволили бы Самвелу водить туристов, если бы с его группой произошел хоть один несчастный случай.

«Все когда-нибудь бывает впервые, — шепнул ему вдруг внутренний голос. — Туристы плохо знают друг друга, ни за кем не следят…»

Пиркс встал и решительно направился к Аспу, который неподвижно стоял в тени дерева. Белые корни растения представляли собой причудливое переплетение, из которого возвышался ствол, и робот напоминал Лаокоона в клубке змей. Андроид повернул к нему лицевую часть, губы раздвинулись в улыбке, которая сейчас показалась Пирксу натянутой, словно он догадывался, о чем пойдет разговор.

— Скажи, Асп, — решительно начал он, — Самвел и Персефон давно знакомы?

Вопрос не произвел на Аспа особенного впечатления.

— Восемь часов и двенадцать минут, — скучно ответил тот. — Персефон появился на борту с опозданием. Остальные туристы прибыли вовремя и время знакомства с ними составляет…

— Это не важно, — перебил его Пиркс. — А раньше Самвел и Персефон встречались когда-нибудь? Общались между собой? Как Самвел относится к Персефону?

— У меня нет такой информации. Она не имеет отношения к должностным обязанностям андроида моего типа.

Можно было уходить, но Пиркс отчего-то медлил. Пятнистые тени от листьев на лице Аспа двигались, свет то попадал ему в глаза, то исчезал, но его зрачки оставались одинаковыми, не сокращаясь, как принято у людей, особенность андроидов. От этого взгляд Аспа был холодным и каким-то мертвым.

— А тебе нравился Персефон? — вдруг спросил Пиркс. — Он был приятным человеком?

— Персефон не нарушал правил на корабле.

Воротник-стойка на униформе андроида был застегнут

наглухо, примерно так же выглядело его желание коммуницировать со случайным туристом.

— Это его характеризует как приятного? — Пиркс решил во что бы то ни стало вытрясти из робота хоть что-нибудь об этом Персефоне. — Ты назвал бы его хорошим человеком?

— Я назвал бы его законопослушным. Это положительное качество в сообществе людей.

Пиркс посмотрел на Аспа с подозрением — способны ли андроиды шутить? Ответ робота звучал как шутка. С другой стороны, как вообще андроиды оценивают людей? По какой шкале? Есть ли она в принципе? Раньше он встречался с разными видами роботов, но подавляющее большинство из них были рабочими механизмами с искусственным интеллектом, и ему никогда не было интересно их мнение, только информация, которой обладали.

— А Самвел хороший человек? — продолжил свой допрос Пиркс. — Он обладает нужными положительными качествами?

— Самвел также не нарушает ни одного правила, — Асп не мог уклониться от беседы с человеком в ином случае, как кто-то нуждался бы в его помощи, но туристы были заняты поеданием припасов, и Асп оставался заложником Пиркса. — Он проявляет должную осмотрительность при сопровождении группы. Это, безусловно, положительное качество.

Неподвижные зрачки Аспа уставились Пирксу прямо в глаза, это было неприятно.

— Разрешено ли правилами покидать тропу?

— Туристам не рекомендуется сходить с тропы, — помедлив, ответил Асп. — Прямого запрета не существует.

— То есть если я сейчас уйду в лес, ты не сделаешь попытки остановить меня?

— Я предложу вам инструктаж по технике безопасности и напомню, что к старту корабля вы должны быть в составе группы.

— Персефону ты проводил такой инструктаж? — Пиркс почуял свою удачу.

— Нет.

Пиркс задумался. Значит, Персефон сошел с тропы неожиданно, без разрешения и никого не предупредив. Но, с другой стороны, если он знал, что запрета нет, то и предупреждать не счел необходимым. При его должности и положении в обществе едва ли он задумался о том, что должен кому-то отчитаться. Скорее уж отчитаться должны будут ему — почему не искали, не спасали и так далее. Но здесь и Самвел не нарушает закон, если Асп утверждает, что турист считается пропавшим, только не явившись в назначенный к старту корабля

час вместе со всеми. До старта впереди еще местная ночь, которая длится около шести часов, и обратный путь. За это время с человеком в сельве может произойти что угодно.

Не дождавшись больше вопросов, Асп перешагнул корни и направился к открытому пространству с видом на водопад. Там планировалось развернуть ночной лагерь. Туристам в качестве развлечения предлагалось встретить восход в лесу, для этого каждому из них ставилась силовая капсула для сна. Генератор был маленького радиуса действия, весь объем капсулы занимало спальное место с надувной подушкой. Купол был непроницаем для нападения, дождя и любого увесистого предмета, свалившегося сверху. Период обращения планеты был коротким, а рассвет на Форе описывался многоцветным и впечатляющим, хотя это могло быть просто зазывным обещанием.

Генераторы поля принес на себе Асп, груз в виде небольшой коробки был приделан к его спине наподобие ранца или рюкзака. Сняв его с плеча, Асп по одной извлекал устройства размером с небольшой стакан и втыкал в мягкую землю. Активировались генераторы централизовано, после того, как все туристы займут положенные им места. Неактивные генераторы светились красным индикатором, и скоро вся поляна напоминала лежбище диких зверей с горящими глазами. Сравнение напросилось само собой и показалось Пирксу символическим.

Ему досталась капсула во втором ряду, близко к лесной кромке, но Асп расположил их так, чтобы ничей купол не мешал обзору соседнего, в шахматном порядке. Около часа ушло на то, чтобы надуть всем лежанки и правильно их разместить. Все это время Самвел оставался у костра, подкидывая в него топливо, как успел краем глаза заметить Пиркс — брикетированное: туристы не смотрят, можно воспользоваться цивилизацией. Брикеты горели дольше и лучше, а пламя было ровным. Лицо Самвела по-прежнему было непроницаемым. Асп помогал туристам улечься и настроить покрытие купола по всем правилам. Со своего места Пиркс пересчитал все капсулы для ночевки — лишней не было. Никто не ждал возвращения Персефона.

Он опустился на свою подушку и поднял глаза к темнеющему небу. На фоне гаснущего фиолета ветви деревьев наливались чернотой и густотой, приобретая очертания темного массива, отдельных элементов скоро стало не различить. Асп ушел на дальний край и звуки ночного леса и водопада стали слышимыми так же хорошо, как если бы людей тут не было вовсе.

Пиркс раздумывал над тем, что будет считаться правильным в его положении. Поднять тревогу? Обратить на пропажу внимание остальных туристов? Надавить на Самвела, чтобы тот

направил робота на поиски? Скорее всего, его сообщение только лишит людей ночного сна и сведется к тому, что в лучшем случае Аспа действительно пошлют в лес. Станет ли Асп искать Персефона? Вряд ли. Команды ему отдает Самвел, а тому ничего не стоит тайком приказать изобразить поиски вместо реального действия. Это не преступление до установленного правилами срока. Идти искать Персефона самому?

Внимание Пиркса отвлек звук, раздавшийся где-то за его головой в лесу — тяжелый грузный хруст, так могли бы хрустеть те самые корни, в которых он разговаривал с Аспом, если бы по ним прошелся крупный зверь. Пиркс сел, бросив взгляд на дезактивированный генератор, потом уставился на темный массив в нескольких шагах от себя. Лес в сумерках стоял монолитной громадой, разглядеть что-либо при такой плотности стволов было невозможно. Несколько секунд он даже сомневался, не послышалось ли ему, но звук вдруг повторился еще раз, уже чуть левее, как если бы животное обходило лагерь по дуге. И снова затрещали сухие корни, после чего послышалось злобное ворчание. Пиркс бросил отчаянный взгляд на Самвела — тот словно очнулся, поднялся с камня и занял свою капсулу. Купола включились все разом голубоватым светом, точно фантастические грибы, их свет вызывал подобие чувства безопасности. Видимость, правда, несколько ухудшилась, но Пиркс все-таки успел заметить направленный в сторону леса взгляд Самвела. В следующую секунду тот уже натянул на себя одеяло с головой.

Андроид занял его место у огня, монотонно подбрасывая в кострище какую-то мелочь вроде листиков или прутиков, валявшихся на земле. Пламя сквозь купол выглядело просто светлым неровно дергающимся пятном, поза андроида была довольно расслабленной. Животное к огню не подойдет, если не голодно и не привлечено запахом добычи, а робот в этом качестве ему неинтересен.

Где-то далеко закричала и захлебнулась ночным криком птица. Напряженно вслушиваясь в звуки вокруг себя, Пиркс уже не сомневался, что хищники на планете имеются, и Самвел этим воспользовался, чтобы свести счеты с Персефоном. Как давно составлялась опись фауны Форы? Десять лет назад? Пять? А ведь пять лет назад Самвел уже был здесь. Не исключено, что описание животного мира составлялось при его участии. Достаточно было даже не солгать, а просто умолчать про один-единственный вид…

Совсем близко и сверху раздался треск, ветви ближайшего дерева пришли в движение, и движение это больше напоминало тряску, чем качание на ветру. Пиркс не выдержал, включил шумоподавление, натянул на голову одеяло и неожиданно для

себя заснул от какой-то запредельной усталости.

Его разбудил холод — капсула отключилась, купол погас. Пришлось встать к завтраку, который сделал для всех Асп — одинаковые кружки горячего какао и сухари с шоколадом. Самвел уже сидел на камне возле потухающего огня и передавал сонным туристам стаканчики. Взгляда Пиркса он сознательно избежал. Приняв свою порцию, Пиркс проигнорировал начавшийся рассвет и нарочно отошел к кромке леса, прошелся вдоль нее в поисках следов. Следопытом он был посредственным, на кораблях, которые он водил на трассе, этот навык не требовался, но не заметить раздавленное в нескольких местах до мелкой крошки сухое корневище было трудно. Дальше было еще одно такое же, и еще — очевидно, зверь кружил ночью вокруг лагеря, но на опушку так и не вышел. Пиркс задрал голову и посмотрел на стволы деревьев, может быть, остались следы когтей? Но стволы были нетронутыми, хотя несколько низких веток выглядели сиротливо обвисшими, надломленными у основания.

— Не уходите далеко, — Асп вырос за его спиной как тень. — Сейчас отправляемся назад.

— Как по-твоему, чьи это следы? — прямо спросил Пиркс, указывая вниз.

Асп нагнул голову и посмотрел на указанное место.

— Здесь нет следов, — ответил он спокойно.

— Разлом в корне, — с нажимом повторил Пиркс. — Вчера они были целыми, когда мы с тобой разговаривали, помнишь?

— Это я наступил на него.

Пиркс посмотрел андроиду в лицо — не похоже, чтобы эта модель обладала отменным чувством юмора. Ложь для андроида тоже была чем-то немыслимым, значит, он верит в то, что говорит? Или он действительно был здесь и наступил на корни, чтобы иметь возможность сказать часть правды?

— Ты ходил здесь ночью?

— Собирал растопку для костра, — Асп выпрямился и застыл на месте. — Но когда именно — точно не скажу, у меня нет встроенного таймера. Возможно, это сделал кто-то из туристов с утра, когда искал туалет. Люди редко замечают повреждения, которые наносят природе.

Пиркс отвернулся от него и шагнул в лес, прошел вперед, глядя себе под ноги. Асп неотступно последовал за ним и, как показалось Пирксу, уже был готов применить силу, чтобы вернуть его на поляну. По крайней мере, его поза говорила об этом, хотя вслух сказано ничего не было.

— Ответь мне на один вопрос, — приказал ему Пиркс, поворачиваясь к нему лицом. — Все ли животные на Форе

травоядны? Да или нет?

Лицевая часть Аспа не дрогнула.

— Я не знаю.

— Ты не знаешь местную фауну?

— Нет. Я не слишком долго служу на Форе. Всего второй год.

— Кем ты был раньше?

— Стюардом пассажирского флота на рейсах первого класса.

Ответ вызвал у Пиркса удивление.

— Как же ты оказался на Форе?

Асп вежливо наклонил голову.

— Пришли более новые модели с улучшенным функционалом и повышенной способностью к коммуникации. Мое программное обеспечение не отвечало запросам пассажиров и меня списали. Фора достаточно дикая планета, здесь туристам не требуется обслуживание по первому разряду. Достаточно выполнять несколько простых функций и подчиняться одному человеку вместо многих.

Догадка осенила Пиркса как молния.

— На тебя кто-то пожаловался?

Андроид снова наклонил голову.

— Да, такой эпизод был.

— В первом классе летают люди, занимающие высокие посты.

— Так и есть, — в голосе Аспа не было ни сожаления, ни каких-либо других эмоций. — Их удобство — приоритетная задача в пути.

Пиркс замолчал, переваривая услышанное. Персефон, скорее всего, тоже летал первым классом и наверняка скандалил из-за каждой ерунды. Будь на месте андроида человек, он испытывал бы обиду за потерянное место, возможно, желал бы мести конкретному обидчику или системе в целом, людьми управляют эмоции и их поступки понятны. Но какая комбинация в позитронном мозгу могла сработать таким образом, чтобы сделать из робота соучастника преступления при отсутствии эмоций?

Пиркс пошел к месту сбора туристов, продолжая гадать над поставленной самому себе задачей. Допустим, эмоций у робота нет и быть не может, но зато у него есть свод правил, выполняя которые, ты являешься законопослушным и положительным. Нарушение этих правил делает человека отрицательным элементом системы, угрожающим ее целостности и разумности. Будет ли устранение такого элемента с точки зрения машинной логики делом правильным и единственно-возможным для всеобщего блага? Очевидно, да.

Самвел вдруг поднял вверх свой шток и попросил внимания,

пришлось на время прерваться и послушать. Из сказанного проводником следовало, что назад они возвращаются другой дорогой, главной достопримечательностью которой является подвесной мост.

— Мост достаточно прочен, но в силу особенностей конструкции имеет небольшую раскачку, — объявил Самвел. — Асп пойдет первым и проверит его безопасность при вас, заодно продемонстрирует наиболее правильный способ поведения во время перехода. Андроиды его типа весят около ста килограмм, это средний вес взрослого человека. Во время вашего движения я и Асп будем находиться с обеих сторон моста, чтобы оказать помощь в случае надобности. Крепко держитесь за поручни и не смотрите вниз во избежание головокружения. Переходить мост группой не рекомендовано во избежание случайного толчка.

Сообщение выбило туристов из ленивой дремоты, посыпались вопросы относительно возраста моста, материалов и прочих деталей, которые позволяют людям выглядеть знатоками в компании домоседов. Самвел охотно и старательно отвечал на вопросы, но Пирксу показалось, что он просто тянет время. Асп тем временем собирал мусор по поляне, скидывая его в большой мешок. Туристы и вправду не заботились о том, какой вред причиняют природе, мешок быстро наполнился использованными стаканами, стерильными салфетками и даже окурками. Наконец группа была готова выходить, костер залили.

Обратная дорога была более крутой и менее открытой, огромные деревья, словно стены, обступали ее с двух сторон. Люди непроизвольно собрались поближе друг к другу, перестав растягиваться на километр в обе стороны. Даже снимки делались реже, хотя тому причиной мог быть и весьма однообразный пейзаж. Пиркс держался от Самвела подальше, их обоих это устраивало. Асп шел замыкающим колонны, тащил свой ранец так же легко, как если бы не нес никакой поклажи. Постепенно лес уступил место сначала угловатым валунам, покрытым мхом, потом валуны переросли в серые нагромождения камней, и вот уже тропа шла в ущелье, стиснутом уходящим в небо камнем с двух сторон. Ущелье было природным образованием, поэтому приходилось поворачивать так, как вела тропа, и за этими поворотами увидеть что-то впереди или позади себя не представлялось возможным. В самом узком месте группа затормозила — тропа ныряла в пещеру. Асп прошел первым и с той стороны подал сигнал, тогда туристы по одному начали залезать в отверстие. Самвел оказался за спиной у Пиркса, стоял молча, и тот непроизвольно оглянулся.

— Странно, что пещера вызывает затруднения, — заметил он,

чтобы оправдать свой взгляд. — Она не такая уж узкая.

— Инстинктивный страх людей перед прохождением родовых путей, — серьезно ответил Самвел. — Природа счищает с нас налет цивилизации, оставляя тем, кем мы являемся.

— Кем? — не удержался Пиркс. — Хищниками?

— Язычниками, не имеющими ни малейшего представления о том, что происходит вокруг нас.

Выражение лица Самвела было абсолютно серьезным. Пиркс хотел ответить, но в этот момент с высоты на тропу просыпалась струйка песочного крошева и несколько мелких камней. Они одновременно подняли головы, а потом, не сговариваясь, посмотрели друг на друга. Пиркс шагнул вперед и вызвался идти следующим, не особенно заботясь, как его действия истолкует Самвел. При том заговоре молчания, который существовал вокруг пропавшего Персефона, не было никакой гарантии, что пойди он последним, ему на голову не упадет камень покрупнее. Стопроцентно несчастный случай природного происхождения.

На той стороне лаза уже был виден мост, о котором говорили на стоянке. Он выделялся ярко-красным цветом на фоне зелени, но кто его выкрасил и зачем, было неясно. Пиркс решил, что это сделал Самвел, в качестве облегчения ориентира и привлечения внимания туристов. Группа и вправду оживилась, заработали фотоаппараты, страх дороги был забыт. Самвел прошел трещину последним, на это уже никто не обратил внимания.

Чем ближе был мост, тем больше и громче сыпались вопросы о прошлом Форы, о ее настоящем и будущем, и Самвел устроил целую лекцию. По его словам выходило, что единственный способ существования на Форе состоял в полном непротивлении сложившейся биосфере, пассивном принятии той модели поведения, которую навязывает планета своим посетителям, что, конечно, людей не устраивает, поэтому будущее Форы туманно и скорее всего, бесперспективно. Пиркс внимательно слушал и следил за его жестикуляцией — такая говорливость была слишком нехарактерна для проводника, ему даже показалось, что словами он маскирует нервозность. Один раз где-то справа опять хрустнула ветка.

Мост нависал над неглубоким, но достаточно широким оврагом, склоны которого были покрыты густым и буйным кустарником в рост человека, а то и выше. На дне оврага журчал ручей. С высоты моста его можно было определить только по звуку, настолько он был неприметный среди камней.

— Удивительно, — сказал кто-то из туристов, склоняясь над обрывом. — Зачем нужен мост, когда проще сделать просеку и перейти по земле?

— Сейчас лето, — ответил Самвел. — Дожди довольно редки, но когда планета начнет поворачиваться к осени, этот ручей превратится в бурную речку. К тому же он ледяной, перейти его вброд дело не из простых. Туристический сезон осенью продолжается еще пару месяцев.

Ответ устроил любознательного гражданина и больше никто вопросов не задавал, все рассматривали мост. Алые планки крепил друг к другу толстый канат, по цвету напоминающий местные лианы, но это тоже была иллюзия. Под краской Пирксу встретился вполне современный материал, состав которого был близок к углеводородному волокну — прочный, выносливый, не боящийся дождей. Прогнить он никаким образом не мог, да и перетереться тоже, с этой точки зрения мост был абсолютно надежен. В середине длины полотно опускалось к воде таким образом, что стоя в нижней точке, невозможно было увидеть, что происходит наверху, тогда как сверху человек был как на ладони. Пирксу показалось, что такая конструкция тоже имеет смысл — страх дает туристам адреналин и желание поскорее преодолеть препятствие, никто по своей воле на таком мосту не задержится.

Асп ступил на мост и двинулся на ту сторону. Группа затихла, наблюдая, как под весом робота мостовое полотно начинает раскачиваться в такт движению. Разговоры прекратились сами собой. При каждом шаге Аспа деревянный настил проходил волной, к этому следовало прибавить и боковую раскачку. Только сейчас Пиркс заметил, что планки моста пригнаны не плотно друг к другу, а на некотором расстоянии, которое требовалось канату для фиксации каждого элемента. Теперь стало понятно требование Самвела не смотреть вниз — голова могла легко закружиться, а упасть с моста было проще простого, если отпустить перила.

Асп на секунду пропал из виду, благополучно появился снова и закончил переход, развернувшись лицом к людям. Его поза была выжидающей.

— По одному, — напомнил Самвел.

Однако группа продолжала стоять, никто из туристов не решался идти первым. Карие навыкате глаза проводника с насмешкой уставились на Пиркса.

— Рискнете?

Пиркс поправил на спине рюкзак и отбросил шток в сторону — на мосту он будет только мешать. Красные плашки легли ему под ноги, древесина приятно пружинила. Идти к нижней точке моста было легко, канат удобно лежал в руках. От нечего делать Пиркс стал посматривать в пространство между деревянным настилом. Сначала там была просто зеленая масса, но скоро

стало возможным разглядеть кусты в подробностях, да и ручей шумел уже оглушительно.

Движение у себя под ногами он воспринял как обман зрения, когда сбитый с толку чередующимися полосами глаз создает иллюзию, и несколько шагов он прошел с этой мыслью, когда до него дошло, что у движущегося объекта другой цвет. Он немного сбавил скорость и стал более пристально вглядываться в промежутки, и снова под ногами у него что-то мелькнуло. Оно отличалось от зелени темным цветом и скоростью, точно передвигалось прыжками. Лоб Пиркса немедленно покрылся испариной. Он не перестал идти только машинально, но фактически переместился сознанием под мост, а глазами чуть вперед, туда, где между плашками был самый большой разрыв. Теперь ни на какую ошибку нельзя было списать ни треск в кустах, ни перемежающийся плеск воды — кто-то большой и тяжелый однозначно следовал за ним под мостом, опережая на несколько шагов и, наконец, остановившись под экстремумом в провисе моста. Пиркс остановился тоже. Сквозь просветы моста он видел темную массу, и судорожно гадал, что сделает зверь, когда он окажется в пределах его досягаемости. Попробует напасть? Прыгнет снизу и повиснет на мосту? Постарается скинуть добычу вниз и добить у ручья?

Против воли Пиркс бросил взгляд вперед — крошечная фигурка Аспа далеко и неподвижно стояла на другом конце. Назад он смотреть не стал, был уверен, что и Самвел со своего конца наблюдает за ним. Что делают остальные туристы, он знать не хотел. Скорее всего, ведут съемку. В условиях стресса мозг работал с лихорадочной скоростью. Знал ли Самвел, что зверь с самого начала шел параллельно группе? Скрывался в лесу, когда они спали, следил за их движением сверху в скалах, чтобы сейчас напасть на первого, кто достигнет опасного места, пропустив робота? Случайно ли предложил Пирксу идти первым или виноваты его вопросы?

Темная тень под ногами приближалась, и Пирксу пришла в голову безумная мысль. Он остановился, опустился на колени и лег на мост, уперевшись лбом в плашку так, чтобы глаза оказались на уровне щели. Он должен был узнать, с чем имеет дело.

Сначала Пирксу показалось, что зверь ушел или затаился, он видел только фрагменты кустов и мокрые камни, а потом немного изменил положение головы. Его глаза встретились с глазами. Сразу он не смог понять, что было не так в этом взгляде, а потом осознал. Глаза не были глазами животного. Они были человеческими. Как и лицо, грузное, одутловатое лицо

Персефона, мокрое, с оскаленными желтоватыми зубами. А в следующую секунду обладатель глаз исчез из поля зрения, только кусты жалобно захрустели, и пошли хрустеть дальше, вверх по склону.

Пиркс вытер лоб рукавом и заставил себя встать. Ноги ему не подчинялись, были ватными, в ушах шумело, и даже раскачка моста сейчас его не волновала. Он добрел до подъема, Асп протянул ему руку, но Пиркс ее даже не заметил. С той стороны моста двинулся в путешествие уже следующий смельчак, и группа подбадривала его выкриками. Никто, кроме Пиркса, ничего не заметил.

— Что это, болезнь? — напрямую спросил он Самвела, когда группа ждала транспорт на стартовую площадку. — Буйное помешательство?

На Персефона он старался не смотреть, но тот и так не обращал ни на кого внимания, жадно хлебая воду из автомата на стартовой площадке, наполняя стакан за стаканом. Его одежда, грязная и мятая, ничем не отличалась от одежды остальных, и никто бы не сказал, что этот человек провел ночь на Форе как дикое животное.

— Трудно сказать, — отозвался Самвел. — Я не врач и не ученый.

— Такое случалось еще с кем-нибудь?

— Пару раз. Почти всегда это были такие вот люди, уровня Персефона, и никогда обычные туристы вроде вас.

— Что-то вроде наркотического опьянения? Как они это описывают?

— Никак, — усмехнулся Самвел. — И вам спрашивать не советую.

— Они ничего не помнят, — вежливо поддержал разговор Асп. — Но здесь нет растений, выделяющих опиаты или галлюциногены. Состав воздуха не содержит посторонних примесей и безопасен для людей.

— Но отчего-то же это происходит? — не сдавался Пиркс.

— В переносном смысле сама Фора опьяняет, — рассеянно произнес Самвел, и замолчал, оборвав фразу на середине.

— Это имеет какие-то последствия в дальнейшем? — помедлив, снова спросил Пиркс.

— Смотря что считать причиной и последствиями, — Самвел перевел взгляд на Пиркса, и взгляд этот уже не был рассеянным или отсутствующим. — Они ведут себя так, потому что попали на Фору, или они попали на Фору, потому что ведут себя так?

Пиркс, как ни странно, понял его лучше, чем Самвел ожидал. И агрессивная политика освоения космоса вдруг предстала перед

его внутренним взглядом совсем в ином свете, как и слова Самвела о степени прожарки.

На площадку опустился гравилет, туристы подошли прощаться с проводником. Пиркс все это время наблюдал за Персефоном — не сделав ни единой попытки к общению, тот первым погрузился на борт и занял лучшее место возле окна, тщательно пристегнув ремни безопасности. Сквозь стекло он пару раз посмотрел на оставшихся внизу брюзгливо и презрительно, а потом и вовсе поднес к глазам какой-то журнал и погрузился в чтение.

Когда толпа рассосалась, Пиркс протянул руку Самвелу, потом Аспу. Андроид пожал ее несколько удивленно и даже, как показалось Пирксу, смущенно, словно никогда раньше так не делал. По крайней мере, выражение его лица было сосредоточенным и внимательным, словно он хотел запомнить ощущение ладони в ладони. Самвел же засмеялся и похлопал Пиркса по спине.

— Было забавно находиться в роли подозреваемого, — сказал он. — Простите нас, но работа несколько однообразна и скучна.

— Почему вы мне не сказали все с самого начала? — не удержался Пиркс.

— А вы бы поверили? И потом, мы с Аспом действительно связаны обетом молчания, так что имейте в виду, что если вы захотите рассказать об этом кому-нибудь, ни я, ни он ваши слова не подтвердим. А в остальном ваша полная воля. Будьте здоровы.

Пиркс кивнул, поднялся на борт гравилета и занял единственное оставшееся пустым место в самом дальнем конце салона в углу. Оно было неудобным и лишенным иллюминатора, но сейчас его это более чем устраивало.